

Клавдия А. Прокопчук
Friedrich-Alexander-Universität Erlangen, Nürnberg

ФИГУРА И ФОН:
ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ ВИЗУАЛЬНЫМ ВОСПРИЯТИЕМ
И ВОСПРИЯТИЕМ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

1. Развитие науки происходит не только путем революционных смен теоретико-методологических парадигм, но и через возвращение прежних, частично забытых парадигм, направлений, концепций на более высоком уровне развития и применительно к новым областям исследований. Примером этого может служить гештальтпсихология — экспериментальное направление психологии восприятия, разрабатывавшееся в Германии с 10-х по 30-е гг. XX века и переставшее существовать как школа из-за вынужденной эмиграции в США большинства ее представителей с приходом к власти Гитлера в 1933 г. Впоследствии, начиная с середины 60-х годов, многие идеи, положения гештальтпсихологии переживают своего рода реинкарнацию и получают дальнейшее развитие в рамках когнитивной психологии (см. Neisser, 1967, Flores d'Arcais, 1975), а в последние десятилетия обращение к отдельным категориям гештальтпсихологии можно наблюдать и в лингвистических работах семиотического, функционально-прагматического и когнитивистского направлений (напр. Lakoff, Johnson 1980, Lakoff 1987, Dressler 1989, Langacker 1995, Rothkegel 2001 и др.).

Изучая динамику процессов восприятия, гештальтпсихологи (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Кёлер и др.) создали теорию, согласно которой сенсорный образ возникает не только в результате прямого воздействия внешней среды на воспринимающие органы чувств пассивно созерцающего субъекта, но и сам субъект в значительной мере структурирует и организует свое восприятие. Центральное место в гештальтпсихологии занимает проблема отношения между психическим целым и его частями, проблема группировки частей в организованное целое, свойства которого не могут быть получены из свойств его частей. Было многими различными путями доказано, «что не целостная форма порождается

элементами, а что от этой целостной формы (то есть того, что образует собственно образ, целостное впечатление, целостное видение) зависит и то, как выступают составляющие ее элементы» (Леонтьев 2000).

Различение фигуры и фона, возникшее первоначально в изобразительном искусстве, в гештальтпсихологии (а также в современной когнитивной психологии, в психологии восприятия — ср. Goldstein 2002, Mallot 2006, 132) рассматривается как важнейшая составляющая процесса восприятия (прежде всего визуального), предшествующая восприятию отдельных деталей. Визуальные объекты могут быть идентифицированы только после того, как они будут отделены друг от друга. Поэтому всё, что мы видим, делится прежде всего на фигуру и фон. Различение фигуры и фона состоит в том, что одни элементы зрительного поля группируются, организуются в единые целостные образы, другие же из этой конфигурации исключаются. Фигура при этом воспринимается как замкнутое, выступающее вперед целое, отделенное от фона контуром, тогда как фон кажется находящимся сзади и непрерывно продолжающимся за фигурой. Части фигуры имеют характер объекта или «вещи», фон же относительно аморфен и имеет характер материала или субстрата. Фигура запоминается лучше, чем фон; фон же выполняет функцию системы отсчета, относительно которой оцениваются цветовые, пространственные и другие характеристики фигуры (Rubin 1921; ср. также Goldstein 2002, 198).

2. Исходным пунктом данной статьи является положение о существовании ряда аналогий между разграничением фигуры и фона при зрительном восприятии в статической среде и при восприятии текстовой информации. (На взаимодействие безусловно доминирующих в речевом потоке линейных отношений с отношениями синхронности, одновременности указывали, напр., К. Бюлер (Bühler 1934 (1982), 121–122, 391), Р. Якобсон (1972), В. Адмони (Admoni 1982, 13). С другой стороны, при зрительном восприятии помимо доминирующего отношения синхронности присутствует элемент последовательности, проявляющийся в том, что всякое сложное зрительное восприятие осуществляется не покоящимся взором, но предполагает постоянное передвижение глаз, «ощупывающих» рассматриваемый предмет и фиксирующих его отдельные признаки.)

Хотя поверхностная структура текста формально представляет собой одномерную и однонаправленную последовательность сигналов на временной оси, эти сигналы удерживаются в памяти и благодаря осмыслению, интерпретации смысла воспринимаются интегрально, как некая целостность. При восприятии текстового целого следующие друг за другом фрагменты предложений, предложения, последовательности

предложений, сверхфразовые единства могут иметь не одинаковую значимость с точки зрения раскрытия темы или развертывания повествования, что находит свое отражение в метафоре как повседневного языка, так и метаязыка лингвистики, характеризующей текст как пространственное образование, имеющее передний и задний план. Противопоставление переднеплановой и заднеплановой информации в тексте является лингвистическим соответствием принципу разделения «фигура — фон» при зрительном восприятии. (Следует отметить, что противопоставление переднего и заднего плана не всегда выступает как простая полярная оппозиция и что, например, в рамках фрагмента, являющегося заднеплановым по отношению к основной линии повествования всего текста, нередко снова таки можно различать между передним и задним планом. Последний (задний план второй степени) опять же обладает относительной переднеплановостью и заднеплановостью и т.д.)

Оппозиция между передним и задним планом долгое время изучалась в лингвистике преимущественно на материале нарративных, в том числе и художественных текстов (Weinrich 1964; Dressler 1972, 47–51; Bartschat 1987; Прокопчук 1990, 56–65; Weiss 1995; Prokopczuk 2000, Tabakowska 2001 и др.). Подобно тому, как для человека, взглянувшего на картину, фотографию, рисунок, часть пространства воспринимаемой им плоскости видится как выступающее вперед целое (фигура), так и при восприятии, например, рассказа читатель/слушатель различает высказывания, которые представляют собой последовательность событий, образующих сюжетную линию и продвигающих вперед повествование (т.е. образуют передний план). Описательные, комментирующие, оценочные, разъясняющие и т.п. сегменты текста, а также ретроспективные и проспективные вставки, «выпадающие» из хронологической последовательности событий, образующих сюжетную линию, воспринимаются как заднеплановая информация или фон.

Интерес лингвистов к вопросам переднеплановости-заднеплановости именно в повествовательных текстах объясняется отчасти тем, что в них противопоставление переднеплановой — заднеплановой информации в гораздо большей степени связано с рядом морфологических, синтаксических и лексико-семантических факторов, чем, например, в научных текстах. Основным признаком, коррелирующим с переднеплановостью в повествовательном тексте, считается наличие хронологической последовательности действий или событий. Для выражения переднеплановости в нарративе также актуальны: взгляд на событие как на целое, завершение которого является условием для появления следующего события; тождество субъектов в каждом эпизоде; обычная фокусировка в предложении,

т.е. пресуппонируемый субъект и утверждаемый глагол с его непосредственными комплементами; наличие такой тематической части, в которой речь идет о лицах; динамические, кинетические события; изъявительное наклонение; аффирмативность; оформленность содержания в виде самостоятельного или главного предложения; оформленность в виде прямой речи. Признаки, сигнализирующие заднеплановость в повествовательном тексте — это одновременность или хронологическое пересечение событий, ситуаций; такой взгляд на ситуацию или процесс, при котором их завершение не является необходимой предпосылкой для следующего процесса; частая смена субъектов; маркированная фокусировка, т.е. выдвижение в фокус субъекта, инструмента; разнородность тем предложения; предложения с отрицанием; наличие статических, описательных ситуаций; сослагательное наклонение; подчинение (Hopper 1979, 216, Bartschat 1987, Прокопчук 1990, 58–59). Вместе с тем ни об одном из перечисленных признаков нельзя утверждать, что он служит исключительно для выражения переднеплановости или заднеплановости содержания, что приводит в вывод о том, что переднеплановость — заднеплановость является не грамматическим, а текстовым феноменом (см. Bartschat 1987, 758, 762).

Обращение к когнитивным критериям при обсуждении аналогий между восприятием визуальной и текстовой информации, а также рассмотрение в работах функционального и прагматического направлений оппозиции «переднеплановость — заднеплановость» в связи с принципами отбора и упорядочения информации в тексте позволяют преодолеть неполноту грамматического описания переднеплановости — заднеплановости в нарративных текстах и создают теоретические предпосылки для обсуждения вопросов переднеплановости — заднеплановости для любых типов текстов, а не только нарративных. Важным концептуальным положением таких исследований является принцип гештальтпсихологии (нашедший свое отражение и в семиотической теории — ср. Dressler 1989, 47–51), согласно которому фигура не существует без фона (и наоборот). Если даже текст состоит из одного предложения-высказывания, оно становится понятным на фоне невербализованных, но легко восстанавливаемых слушателем когнитивных схем.

3. Цель данной работы — продемонстрировать эффективность обращения к феномену «фигура — фон» при рассмотрении стилистических особенностей научных текстов.

3.1. Основным критерием переднеплановости в тексте является, по мнению Т. Райнхарт, континуальность. Так, континуальность сюжетной линии (plot line) как упорядоченной последовательности событий в повествовательном тексте рассматривается ею как временной ана-

лог пространственной способности связывать в линии дискретные элементы (Reinhart 1984, 803). Для экспозиторных текстов — в том числе и научных — критерием переднеплановости является континуальность развертывания темы. Помимо высказываний, участвующих в непосредственном развитии основной темы, в научном тексте присутствуют и высказывания, составляющие уровень логической субординации, которые сообщают дополнительную (хотя и немаловажную) информацию. Последние представляют собой гетерогенный, более слабо структурированный материал — это могут быть комментарии к отдельным положениям главной линии аргументации, общие сведения, касающиеся исторического, философского и т.п. контекста, дополнительные замечания, разные оговорки и отсылки к авторитетам, иллюстративные примеры, цитаты — и воспринимаются как задний план (или фон). В отдельных случаях переднеплановость — заднеплановость текстового содержания подчеркивается и лексическими, метатекстовыми средствами, когда прямо говорится, что какие-то положения, идеи, вопросы и т.д. выдвигаются на первый/на передний план, а какой-то факт, какая-то проблема отодвигаются на второй/на задний план. Один из способов представления текстовой информации как заднеплановой — оформление ее в виде экскурса, примечания, сноски, парентезы.

3.2. В живописи, фотографии, в коммуникационном дизайне соотношение переднего и заднего планов, их оформленность являются одним из признаков стиля. Особенно наглядно это можно продемонстрировать на примерах, когда стилистический эффект конституируется как отклонение от нормы. Это могут быть случаи так называемого экспериментального дизайна, когда при первом, беглом взгляде сложно определить, что на изображении является фигурой, а что — фоном (ср. Kommer, Mersin 2002, 60–61). Еще один интересный пример — стартовая страница веб-сайта Бората (<http://microsites2.foxinternational.com/it/borat/>). Явная перегруженность переднего плана в данном случае несет функциональную нагрузку и коррелирует с темой нарушения общепринятых норм поведения главным персонажем в фильме режиссера Л. Чарльза *Борат*.

Изучении переднеплановости — заднеплановости на материале художественной прозы также показало, что особенности соотношения переднеплановой и заднеплановой информации, оформление некоторой информации как переднеплановой или заднеплановой при помощи определенных языковых средств может быть стилистически маркированным. Например, если исходить из того, что представленность какого-то события (событийного содержания) в виде причастного,

деепричастного оборота или придаточного предложения сигнализирует о его заднеплановом характере, то использование этих синтаксических средств применительно к содержанию, которое по замыслу автора должно произвести сильное воздействие на воспринимающего, следует рассматривать как стилистический прием. Так, по поводу заключительного предложения в рассказе А.П. Чехова *Спать хочется* «Задушив его, она быстро ложится на пол [...]» (ср. в более широком контексте: «Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту уже спит крепко, как мертвая...») говорится, что «с помощью данной структуры автор осознанно отодвигает на задний план основное действие, убийство ребенка, и высвечивает потребность во сне, тему, определенную заглавием рассказа. Это — художественный прием с использованием грамматических средств, которые, однако, не позволяют объяснить воздействие этого предложения вне связи с целым текстом» (Прокопчук 1990, 60; см. также интерпретацию этого примера в: Bartschat 1987, 770, Chvany 1990, 216). К стилистическим признакам относится также значительный перевес в тексте в сторону переднеплановой или заднеплановой информации, а также инверсия отношения между передним и задним планом, когда при выстраивании смысловой структуры художественного текста задний план (например, описание социальной среды, исторической эпохи) является коммуникативно более важным, чем цепочка событий, образующих передний план (Weinrich 1964, 163-164).

3.3. Что касается научного стиля, то можно предположить, что и здесь имеются случаи, когда стилистический эффект от особенностей соотношения переднеплановой — заднеплановой информации проявляется как отклонение от привычных принципов развертывания текста, способов представления текстовой информации, как отклонение от интуитивных или институционально установленных норм в рамках той или иной научной общности, определяющих организацию научного текста как образца определенного жанра научной прозы. Эта гипотеза, по мнению автора, подтверждается рядом наблюдений, представленных в работах по контрастивной лингвистике текста и контрастивной стилистике научного текста.

Хотя, безусловно, нельзя не признать, что «стиль научной прозы имеет некоторые общие тенденции вне зависимости от конкретных языков» (Ярцева 1970, 6, цит. по: Кожина 2003, 428), благодаря контрастивным исследованиям были выявлены отличия, касающиеся, например, композиционно-смысловой структуры научного текста, принципов его

развертывания, построения и объёма абзаца, употребления средств связи, степени экспликации определенных этапов научно-познавательного процесса, особенностей цитирования, выражения авторского «я» и т.д. (см., например, обзор литературы в: Schröder 1995, Duszak 1997, Adamzik 2001, Кожина 2003 и др.). Следует заметить, что национально-культурные стилевые особенности скорее могут быть выявлены в текстах гуманитарных отраслей знания и в меньшей степени они проявляются в технических и естественных науках. К. Гнутцманн (Gnutzmann 1989) выдвинул гипотезу, согласно которой, чем больше какая-либо область науки носит общекультурный характер, т.е. её предмет исследования не лежит в сфере «первичной» культуры, тем сильнее в ней тенденция к применению похожих или идентичных образцов построения дискурса. И чем больше предмет исследования какой-либо отрасли науки коренится в «первичной» культуре, чем больше он имеет общественно направленный характер, тем вероятней тенденция, что при передаче научного содержания будут создаваться культурно-специфические образцы дискурса (см. Schröder 1995, 158).

В данной статье не представляется возможным обсудить, насколько современное состояние изучения национально-культурных вариантов научного текста позволяет сделать те или иные обобщения, касающиеся отдельных национально-культурных научных стилей в целом. Также будет опущен вопрос о том, действительны ли эти обобщения только для конкретного корпуса текстов или для целой дисциплины, к которой принадлежат исследуемые тексты, или также для других научных дисциплин в соответствующих странах. Автор ставит своей задачей показать, что многие из уже выявленных межкультурных отличий в научных текстах могут свидетельствовать о применении в них различных стратегий создания переднего и заднего планов.

3.4.1. Если принять, что стиль проявляется как в выборе и организации текстового содержания, текстовых интенций, так и в задействованных для этого языковых формах (ср. Sandig 1995, 28), то применительно к научному стилю это означает, что термин «стиль» относится не только к способам и приемам сочетания, объединения языковых средств, их специализированного употребления, но и к особенностям содержательной структуры научного продукта.

К таким содержательным особенностям относятся и особенности соотношения в научном тексте теоретического и эмпирического материала. Известный норвежский социолог и политолог Й. Гальтунг в своей работе *Структура, культура и интеллектуальный стиль; Сравнительное эссе о саксонской, тевтонской, галльской и ниппонской науке* (Galtung 1981) в качестве основного параметра разграничения так называемых

интеллектуальных стилей рассматривает соотношение, с одной стороны, между анализом парадигмы, выдвижением тезисов, построением теории и, с другой стороны, работой с фактическим материалом (сбором, обработкой и анализом эмпирических данных). Согласно Гальтунгу, тевтонский интеллектуальный стиль (равно как и базирующийся на французской традиции галльский интеллектуальный стиль) ориентирован прежде всего на анализ парадигм и выработку теории. Эмпирическим данным отводится при этом скорее иллюстративная, чем доказательная функция. Напротив, для саксонского стиля в большей мере характерно документирование всевозможных данных и в меньшей степени — создание новых теорий. Ниппонский стиль также больше ориентирован на эмпирические данные, чем на выработку теорий.

(Следует заметить, что, во-первых, Гальтунг в своей работе рассматривает не всю палитру существующих научных дисциплин, а концентрируется главным образом на социологии и политологии; и, во-вторых, он не устанавливает прямую зависимость между национальностью автора, языком, на котором он говорит и пишет, и принадлежностью созданного им текста к определенному интеллектуальному стилю, намеренно предпочитая говорить о саксонском, тевтонском, галльском и ниппонском стилях как доминирующих научных стилях в Британии, Германии, Франции и Японии, подчеркивая тем самым неправомерность автоматического соотнесения этих стилей с перечисленными странами. В третьих, учитывая высокий уровень взаимодействий и взаимозависимостей в современном мире, Гальтунг не исключает, что предложенные им характеристики интеллектуальных стилей, возможно, в большей степени отражают положение вещей в 70-е годы, чем в настоящее время (Galtung 1981, 819))

Если вернуться к оппозиции «фигура — фон», то выделяемые Гальтунгом стили можно представить как, с одной стороны, дедуктивно-теоретические стили, которые больше склонны к размещению теоретических построений на переднем, а эмпирического материала — на заднем плане, и, с другой стороны, индуктивно-эмпирические стили с эмпирическим материалом на переднем плане. В качестве иллюстрации того, что специфика научного стиля действительно иногда состоит в том, какое содержание выступает как переднеплановое и какое-как заднеплановое, приведем следующую цитату (речь идет о сопоставлении немецкого и шведского научного доклада):

Шведский академический доклад отличается тем, что он часто исходит из конкретных примеров. Предпочтение отдается эмпирическому, экспериментально обоснованные исследования приветствуются больше, чем феноменологический подход. Иностранцам часто бросается в глаза, что теоретическая надстройка отодвигается на задний план (Stedje 1990, 30 — перевод мой).

3.4.2. Некоторые межкультурные различия в научных стилях связаны с большей или меньшей долей заднеплановой информации в тексте. В этом смысле можно интерпретировать результаты исследований М. Клайна (Clyne 1981; 1987). Сравнивая научные статьи (из области лингвистики и социологии), написанные носителями английского и немецкого языков, Клайн установил, что для научных текстов англоговорящих авторов более характерно осуществление развертывания семантической структуры текста в виде одной последовательности (или нескольких параллельных симметричных последовательностей) связанных друг с другом (макро)пропозиций, которые непосредственно обеспечивают раскрытие основной темы. Такое относительно однонаправленное развитие семантической структуры текста Клайн называет «линейным». С «линейностью» в организации текстовой структуры коррелируют, по мнению Клайна, такие текстовые признаки, как наличие вводной части, сообщающей о тематической структуре статьи (advance organizer), интегрированность статистических данных, примеров, иллюстраций, таблиц и т.п. в основной текст, симметричность (при которой параллельные отрезки текста имеют примерно одинаковую длину, а макропропозиции содержат примерно одинаковое число пропозиций).

Линейность в последовательности раскрытия основной темы может нарушаться отступлениями, экскурсами, возвращением к уже сказанному, перефразированиями, разного рода примечаниями и комментариями (часто в виде парентез) и т.п., которые не участвуют непосредственно в динамике раскрытия темы. В зависимости от количества такого рода содержательных составляющих текст предлагается рассматривать как более или менее линейный. Текст, в котором а) многие пропозиции не зависят от доминирующей пропозиции (макропропозиции) в своем текстовом сегменте, б) многие пропозиции не следуют за макропропозициями, от которых они зависят; в) многие сегменты включены в текстовые сегменты с другой темой, Клайн называет «нелинейным» или «дигрессивным». Нелинейность в организации текстовой структуры проявляется, согласно Клайну, также в том, что основные дефиниции размещаются не в начале статьи, а гораздо далее, даже если дефинируемое уже упоминалось выше; отсутствует вводная часть, сообщающая о тематической структуре статьи; статистические данные, примеры, иллюстрации, таблицы и т.п. не интегрированы в основной текст, а даются в сносках или в приложении.

Основной тезис, выдвигаемый Клайном, состоит в том, что если научные тексты, написанные носителями английского языка, отличаются довольно высокой степенью «линейности», то тексты немецких авторов (а также французских, итальянских и русских — здесь Клайн ссылается на Р. Каплана (Kaplan 1966)) больше склонны к дигрессивной организации.

Дигрессивный характер текста может быть следствием непродуманности его композиции или результатом неудачного сокращения длины текста, и на долю именно таких дигрессий приходится 65% дигрессий в текстах англоговорящих авторов. Для немецкого же научного текста дигрессии (отступления от темы, экскурсы) часто представляют собой заднеплановую информацию, и их функция состоит в создании теоретической или идеологической перспективы, обращении к тем или иным аспектам истории вопроса, ведении полемики с представителями других школ и направлений, сообщении дополнительных сведений или аргументов и т.п. (Clupe 1987, 227–228). Такого же рода функции характерны для дигрессий в польском (Duszak 1997) и французском (Kaplan 1966, Adamzik 2001) научном тексте. Таким образом, можно сделать вывод, что научные стили могут отличаться по степени детальности, «ширины» заднего плана, на фоне которого разворачивается основная линия аргументации.

3.4.3. В некоторых случаях особенности следования текстовых сегментов свидетельствуют о различных способах чередования переднеплановой и заднеплановой информации. Например, для англо-американских научных текстов более типично помещать в начале главное — В. Дресслер видит в этом сходство с часто встречающейся стратегией, начинать описание картины с главной фигуры (Dressler 1989, 50) — и начинать научный текст с дефиниции темы или центрального понятия, с перечисления целей исследования:

This paper will examine a phenomenon (...). The topics of the present paper are: (...). В своей статье я хотел бы коснуться вопроса о (...), указать на те аспекты, которые связаны с (...) и кратко остановиться на связи (...) с (...).

В то же время возможна и другая стратегия, а именно начинать текст с заднеплановой информации в соответствии с принципом:

Поскольку фигуру как таковую можно видеть только на каком-то фоне, для сукцессивного восприятия текста следует считать более естественным порядок, когда фигура выступает по крайней мере после какого-то фрагмента фона» (Dressler 1989, 51 — перевод мой).

Результаты контрастивных англо-немецких, немецко-русских (Kotthoff 2001) исследований позволяют сделать вывод, что у немецкоязычных, а еще в большей степени — русскоязычных ученых-гуманитариев прослеживается тенденция, помещать в начале статьи или доклада значительное количество заднепланового материала, прежде чем дается центральная информация (подробнее см. Prokopczyk 2007). Примечательно, что в некоторых случаях в научном тексте имеются прямые ука-

зания на то, что главную тематическую линию предваряет своего рода вспомогательная информация (описание теоретических предпосылок, методологический экскурс, биографическая справка, характеристика исторического, политического контекста и т.п.), ср., например, начало статьи В.В. Петрова *Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний*:

Современный этап развития теории искусственного интеллекта характеризуется широким использованием результатов не только логики, лингвистики, психологии, но также внешне отдаленных от нее философских направлений, как феноменология и герменевтика. Дело в том, что в конце 80-х годов теория искусственного интеллекта и ее концептуальная база — когнитивная наука — оказались на переломном этапе, когда [...] возникла естественная потребность в поиске новых теоретических источников. Одним из таких источников являются феноменология и герменевтика. [...] Прежде чем конкретно говорить о каких-либо параллелях между феноменологией, герменевтикой и когнитивной наукой, имеет смысл кратко очертить ту ситуацию, которая собственно и стимулировала поиск новых оснований (Петров 1990, 102).

Что касается наблюдения Клайна о том, что для англоязычных авторов характерно размещение концептуально-терминологического аппарата ближе к началу статьи, а для немецкоязычных — гораздо позже, даже если дефинируемое уже упоминалось выше (Clupe 1987, 229), то можно предположить, что отсутствие эксплицитного определения терминов, основных понятий в начале научного гуманитарного текста в ряде случаев компенсируется помещенным во вступлении обширным заднеплановым содержанием. Автор текста, вероятно, рассчитывает на то, что компетентный читатель в состоянии имплицитно вывести наполнение используемых им понятий, терминов из сообщаемой во вступлении информации о том, в рамках какого направления, школы выполнена данная работа, из отсылок к соответствующим авторитетам, анализа текущего научного процесса в определенной дисциплине и т.п.

3.4.4. Некоторая неполнота библиографических данных, ссылок, отсутствие цитат и примеров, поясняющих те или иные положения, сформулированные в научном исследовании, в некоторых случаях являются следствием намеренной (или просто вошедшей в привычку) редукции дополнительной информации. Х. Баслер, например, обращает внимание на то, что для русских статей в большей мере, чем для немецких, характерны глобальные ссылки, при которых отсутствует указание на конкретный источник (Bavler 1999), ср.: *в современных исследованиях...; по оценкам экспертов...; многочисленные наблюдения разных авторов позволяют говорить о том ...* Отказ от размещения в научном тексте определенного рода заднеплановой информации характерен для мно-

гих советских научных статей; причины этого лежат в первую очередь в ограниченных возможностях вузовских издательств и вытекающих отсюда ограничений объема публикуемых материалов.

4. Известно, что при восприятии текста немаловажное значение имеет степень соответствия этого текста ожиданиям реципиента. Если способ представления текстовой информации идет вразрез с представлениями реципиента относительно определенного типа текста, то реципиенту будет сложнее понять и переработать предлагаемую информацию. Это касается и того, какого рода информация эксплицитно выдвигается на передний план, особенностей чередования переднеплановой и заднеплановой информации, количества и функциональной нагрузки заднеплановой информации, маркированности заднеплановой информации и др. Поэтому так важно — при универсальности общих принципов создания научного текста — учитывать и специфические характеристики, связанные с национально-культурными особенностями того или иного научного стиля.

Так, например, Клайн (Clyne 1981) указывает на то, что в англо-американской научной среде текст с большим количеством отступлений, экскурсов, комментариев и т.п. воспринимается как тяжеловесный, расплывчатый и оценивается негативно. Сравнивая рецензии на монографии немецкоязычных авторов, Клайн отметил, что англоязычные рецензенты остро критиковали работы из-за «нелинейности», «нелогичности», «непоследовательности» развертывания аргументации представленных в них основных положений. В то же время в рецензиях на те же монографии, написанных рецензентами из Центральной Европы, замечания относительно структуры текста отсутствовали вообще (Clyne 1981, 63–64, см. также Clyne, Kreutz 2003). (В этой связи ср. также следующее высказывание из предисловия к сборнику трудов А.Н. Леонтьева *Философия психологии*:

Его [А.Н. Леонтьева] взгляды не получили широкого распространения в США, Великобритании и странах «проамериканской» ориентации в психологии по причине их чрезмерной, с точки зрения американской традиции, усложненности, отягощенности глубоким философским контекстом и подтекстом. Но в странах Европы, для которых характерна высокая философская культура, — в Германии, Скандинавии, Франции и франкоязычных странах, а также в Италии и ряде других стран он пользовался огромным научным авторитетом (Леонтьев 1994: 6).

И наоборот, в немецкоязычной традиции чересчур «линейный» текст может быть воспринят как упрощенный и не отвечающий ожиданиям образованного и компетентного читателя — в том числе и из-за отсутствия или сведения до минимума отступлений от темы (*Abschweifungen*),

заднеплановой информации (см.: Clyne, Kreutz 2003). Заднеплановая информация, хотя не участвует непосредственно в динамике раскрытия темы, оказывает безусловное влияние на то, как читатель воспринимает и интерпретирует переднеплановую информацию.

Различение фигуры и фона является, безусловно, важным, но не единственной компонентом зрительного восприятия. Собственно, и подход, представленный в данной работе, концентрирует внимание только на одном аспекте восприятия текста. Тем не менее рассмотрение особенностей соотношения переднего и заднего планов в тексте в ряде случаев способствуют лучшему пониманию механизмов формирования и восприятия определенных стилей, в том числе и научных (гуманитарных) стилей.

Литература

- Кожина, М.Н. (2003), *Стилистика сопоставительная*. В кн.: Кожина М.Н. (ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва, с. 426–429.
- Леонтьев, А.Н. (1994), *Философия психологии: Из научного наследия*. Под ред. А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева. Москва.
- Леонтьев, А. Н. (2000), *Лекции по общей психологии*. Под ред. Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой. Москва.
- Петров, В.В. (1990), *Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний*. «Вопросы языкознания» № 6, с. 102–109.
- Прокопчук, А.А. (1990), *Сложноподчиненное предложение и текст*. Харьков.
- Якобсон, Р. (1972), *К вопросу о зрительных и слуховых знаках*. В кн.: *Семиотика и искусствометрия*. Сб. переводов под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. Москва, с. 82–87.
- Ярцева, В.Н. (1970), *Международная роль языка науки*. В кн.: *VII Межд. социологический конгресс*. Варна 1970. Доклады советской делегации. Москва.
- Adamzik, K. (ред.) (2001), *Kontrastive Textologie: Untersuchungen zur deutschen und französischen Sprach- und Literaturwissenschaft*. Tübingen.
- Admoni, W.G. (1982), *Der deutsche Sprachbau*. 4., überarb. u. erw. Aufl. München.
- Bartschat, B. (1987), *Aspekt und „grounding“ in russischen Texten*. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung» № 6, с. 758–771.
- Baßler, H. (1999), *«Der folgende Diskurs hat eine empirische Basis.» Intertextualität in deutschen und russischen soziologischen Aufsätzen*. Vortrag gehalten bei der 30. Jahrestag der Gesellschaft für Angewandte Linguistik. Frankfurt am Main. — 30.09.1999–02.10.1999.
- Bühler, K. (1934/1982), *Sprachtheorie*. 3. Aufl. Stuttgart.
- Clyne, M. (1981), *Culture and discourse structure*. «Journal of Pragmatics» № 5, с. 61–66.
- Clyne, M. (1987), *Cultural differences in the organization of academic texts: English and German*. «Journal of Pragmatics» № 11, с. 211–247.
- Clyne, M., Kreutz, H. (2003), *Kulturalität der Wissenschaftssprache*. В кн.: Wierlacher, A., Bogner, A. (ред.), *Handbuch Interkulturelle Germanistik*. Stuttgart–Weimar, с. 60–68.

- Chvany, C.V. (1990), *Verbal aspect, discourse saliency, and the so-called «Perfect of result» in modern Russian*. В кн.: Thelin, N. (ред.), *Verbal Aspect in Discourse: Contributions to the Semantics of Time and Temporal Perspective in Slavic and Non-Slavic Languages*. Amsterdam–Philadelphia, с. 213–235.
- Dressler, W. (1972), *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen.
- Dressler, W. (1989), *Semiotische Parameter einer textlinguistischer Natürlichkeitstheorie*. Wien.
- Duszak, A. (1997), *Analyzing digressiveness in Polish academic texts*. В кн.: Duszak, A. (ред.), *Culture and Styles of Academic Discourse*. Berlin–New York, с. 323–341.
- Duszak, A. (1998), *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*. Warszawa.
- Flores d'Arcais, G.B. (1975), *Einflüsse der Gestalttheorie auf die moderne kognitive Psychologie*. В кн.: Ertel, S., Kemmler, L., Stadler, M. (ред.), *Gestalttheorie in der modernen Psychologie*. Darmstadt, с. 45–57.
- Galtung, J. (1981), *Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxon, teutonic, gallic and nipponic approaches*. «Social Science Information» № 20, с. 817–856.
- Gnutzmann, C. (1989), *Sprachliche Indikatoren zur Explizierung von 'Zielsetzungen' im Englischen und Deutschen*. Vortrag auf dem 9. IDV-Kongress in Wien. Unveröffentlichtes Vortragsmanuskript.
- Goldstein, E.B. (2002), *Wahrnehmungspsychologie*. Hrsg. von M. Ritter. 2. dt. Aufl. Heidelberg etc.
- Hopper, P.J. (1979), *Aspect and Foregrounding in Discourse*. В кн.: Givón, T. (ред.), *Discourse and Syntax*. New York, с. 213–241.
- Kaplan, R. B. (1966), *Cultural Thought Patterns in Intercultural Education*. «Language Learning» № 16, с. 1–20.
- Kommer, I., Mersin, T. (2002), *Typografie und Layout für digitale Medien*. München–Wien.
- Kotthoff, H. (2001), *Vortragsstile im Kulturvergleich: zu einigen deutsch-russischen Unterschieden*. В кн.: Jakobs, E.-M., Rothkegel, A. (ред.), *Perspektiven auf Stil*. Tübingen, 321–350.
- Lakoff, G. (1987), *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago–London.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980), *Metaphors we live by*. Chicago etc.
- Langacker, R.W. (1995), *Wykłady z gramatyki kognitywnej*. Pod red. H. Kardeli. Lublin.
- Mallot, H.A. (2006), *Visuelle Wahrnehmung*. В кн.: Funke, J., Frensch, P.A. (ред.), *Handbuch der Allgemeinen Psychologie — Kognition*. Göttingen, с. 127–137.
- Neisser, U. (1967), *Cognitive Psychology*. New York.
- Prokopczuk, K. (2000), *Aspekt und Grounding in narrativen Texten mit Parenthesen*. В кн.: Kaṭny, A. (ред.), *Aspektualität in germanischen und slawischen Sprachen*. Poznań, с. 161–171.
- Prokopczuk, K. (2007), *Die Wechselbeziehung zwischen Vorder- und Hintergrund als Stilmerkmal in Texten der Wissenschaft*. В кн.: Robering, K. (ред.), *'Stil' in den Wissenschaften*. Münster, с. 137–150.
- Reinhart, T. (1984), *Principles of gestalt perception in the temporal organization of narrative texts*. «Linguistics» № 22, с. 779–809.
- Rothkegel, A. (2001), *Stil und/oder Design*. В кн.: Jakobs, E.-M., Rothkegel, A. (ред.), *Perspektiven auf Stil*. Tübingen, с. 77–87.
- Rubin, E. (1921), *Visuelle wahrgenommene Figuren*. Copenhagen.
- Sandig, B. (1995), *Tendenzen der linguistischen Stilforschung*. В кн.: Stickel, G. (ред.), *Stilfragen*. Berlin–New York, с. 27–61.

- Schröder, H. (1995), *Der Stil wissenschaftlichen Schreibens zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma — Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung*. В кн.: Stickel G. (ред.), *Stilfragen*. Berlin–New York, с. 150–180.
- Stedje, A. (1990), *Sprachliche Handlungsmuster und interkulturelle Kommunikation*. В кн.: Spillner, B. (ред.), *Interkulturelle Kommunikation — Kongreßbeiträge zur 20. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik*. Frankfurt am Main etc., с. 29–40.
- Tabakowska, E. (2001), *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*. Kraków.
- Weinrich, H. (1964), *Tempus: besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart. 6., neu bearb. Aufl. 2001. München.
- Weiss, D. (1995), *Die Rolle der Temporalität bei der Textkonstitution*. В кн.: Jachnow, H., Wingender, M. (ред.), *Temporalität und Tempus. Studien zu allgemeinen und slavistischen Fragen*. Wiesbaden, с. 245–272.

Klavdia Prokopchuk

FIGURE AND GROUND:
PARALLELS BETWEEN PERCEPTION OF VISUAL AND TEXTUAL INFORMATION

Summary

This contribution is based on an assumption that there is a correlation between the perceptual criteria that determine the spatial organization of the visual field into figure and ground (as proposed by the gestalt theory) and those that determine the foreground-background distinction in texts. We will show that the usage of this figure-versus-ground theory can be effective in a research of comprehension of humanistic texts in inter-cultural communication. Many of cultural differences that were already discovered in the compositional and semantic structure of humanistic text — i.e. principals of its progression, paragraph structure, citation — may be a result of different strategies in construction of foreground and background.

Kławdia Prokopczuk

FIGURA I TŁO:
PARALELE W PERCEPCJI INFORMACJI WIZUALNEJ I TEKSTOWEJ

Streszczenie

Artykuł ten opiera się na założeniu, że istnieje korelacja pomiędzy kryteriami percepcyjnymi, determinującymi organizację przestrzenną pola wizualnego jako figura i tło (zaproponowaną w teorii gestaltu), a tymi, które determinują w tekstach rozróżnienie na pierwszy i drugi plan. Ukażemy, iż zastosowanie teorii figura-tło może okazać się efektywne w badaniach nad zrozumieniem tekstów humanistycznych w komunikacji międzykulturowej. Wiele odkrytych do tej pory różnic kulturowych obserwowanych w kompozycyjnej oraz semantycznej strukturze tekstu humanistycznego – tj. czynniki jego rozwoju, struktura podziału, cytaty — mogą być wynikiem różnych strategii konstruowania pierwszego i drugiego planu.